

На правах рукописи

Соколова Марина Валерьевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В МАРИЙСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2015

Работа выполнена на кафедре финно-угорской и сравнительной филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Марийский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Глухова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: **Поляков Осип Егорович,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мокшанского языка
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва»;

Егоров Александр Викторович,
кандидат филологических наук,
ученый секретарь федерального государственного
бюджетного учреждения науки Удмуртского
института истории, языка и литературы Уральского
отделения Российской академии наук

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт языкознания
Российской академии наук

Защита состоится 16 октября 2015 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан «___» августа 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных исследованиях по лингвистике значительное внимание уделяется междисциплинарному подходу в объяснении языковых явлений. Анализ фразеологии, как устойчивого пласта языка, воспроизводимого из поколения в поколение, позволяет выявить национально значимые понятия, существующие в рамках определенной лингвокультуры, посредством сравнительного исследования. Изучение двух разных фразеологических фондов способствует выделению отличительных национальных черт каждого из них и близких по проявлению особенностей, присущих рассматриваемым языкам.

Существующие на данный момент проблемы исследования языковых явлений активно обсуждаются как отечественными, так и зарубежными учеными в рамках психолингвистического (Л. А. Городецкая¹, М. Ненонен, Й. Ниemi², И. Г. Овчинникова³ и др.), лингвокультурологического (Г. А. Боброва⁴, А. В. Егоров⁵, В. И. Карасик⁶, В. А. Маслова⁷ и др.) и когнитивистского (А. Вежбицкая⁸, М. Л. Ковшова⁹ и др.) направлений.

Актуальность представленного исследования обусловливается теоретической и практической необходимостью структурно-функциональной характеристики фразеологических единиц (ФЕ) разных языков (в данном случае марийских и финских ФЕ с компонентами-зоонимами), на основе которой производится лингвокультурный анализ с выявлением специфических национальных черт языкового сознания народов. В финно-угорском языкознании сравнительные и сопоставительные лингвокультурологические исследования в области фразеологии находятся на стадии разработки, что доказывает обзор соответствующей литературы по избранной теме. Для закрытия лакуны сравнительных лингвокультурологических исследований в области марийской и финской фразеологии в диссертации проанализирован один из пластов фразеологии, универсальный для многих языков, который, наряду с общими чертами, может показать уникальные характеристики изучаемых фразеологизмов. Данная работа посвящается сравнительному

¹ Городецкая, Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях / Л. А. Городецкая // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. – 2002. – Вып. 1. – С. 21-28.

² Nenonen, M. Morphological isolates in idioms: Cranberries or real words? / M. Nenonen, J. Niemi // Brain and Language 68(1-2). – 1999. – S. 158-164.

³ Овчинникова, И. Г. Ассоциативные структуры и текст / И. Г. Овчинникова // Семантика и коммуникация. Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. – СПб, 1996. – Вып. 4. – С. 163-178.

⁴ Боброва, Г. А. Языковая картина мира удмуртов в сопоставлении с русскими / Г. А. Боброва // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; Отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 224-226.

⁵ Егоров, А. В. Фразеология удмуртского и венгерского языков в лингвокультурологическом аспекте / А. В. Егоров // Dissertationes sectionum: Linguistica. Pars IV. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010 / Red. P. Csúcs, N. Falk, V. Tóth. – Piliscsaba, 2011. – S. 84-90.

⁶ Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

⁷ Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре: монография / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 319 с.

⁸ Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

⁹ Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мария Львовна Ковшова. – М., 1996. – 22 с.

анализу марийской и финской зоосемической фразеологии в свете лингвокультурологии с применением отдельных методов психолингвистики и когнитивистики. При выявлении национально-культурной специфики фразеологизмов рассматриваемых языков отдельное внимание уделяется структурно-семантической характеристике ФЕ, что позволяет проследить особенности мотивации их внутренней формы и определить свойства их культурной коннотации.

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных черт марийских и финских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом на основе сравнительного анализа их лингвокультурных характеристик, ведущих к образованию общего и различного во фразеологических составах марийского и финского языков.

Для достижения цели диссертационного исследования определены следующие **задачи**:

1) провести обзор истории изучения фразеологии финно-угорских языков и существующих теоретико-методологических направлений в исследовании фразеологии;

2) выявить роль лексико-семантической группы «зоонимы» в образовании фразеологизмов марийского и финского языков;

3) выяснить характер образного переосмысления и мотивации внутренней формы зоосемических фразеологизмов исследуемых языков;

4) провести сравнение семантики и семантических отношений (коннотации) марийских и финских фразеологизмов с однотипным лексическим инвариантом-зоонимом;

5) установить типы межъязыковых фразеологических соответствий для выявления черт сходства и различия в семантике марийских и финских фразеологизмов с компонентами-зоонимами;

6) определить разновидности прототипов, мотивирующих коннотацию зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков;

7) охарактеризовать универсальные и национально-специфичные свойства, присущие зоосемическим ФЕ сравниваемых языков.

Объектом данной работы выступают марийские и финские ФЕ с компонентами-зоонимами.

Предметом исследования являются лингвокультурные особенности зоосемических фразеологизмов в марийском и финском языках.

Методы исследования. При определении основных структурно-семантических особенностей ФЕ марийского и финского языков используется *метод фразеологического анализа, методы аппликации и идентификации*, применяемые также при определении фразеологизма в процессе его разграничения от свободных сочетаний лексем и переменных предложений. Для выявления лингвокультурных характеристик изучаемых фразеологизмов применяется *компонентный, контекстологический типы анализа, анализ словарных дефиниций* (как первый этап компонентного анализа). На основании проведенной *лингвокультурологической интерпретации* производится выделение полных, частичных и безэквивалентных межъязыковых

соответствий, а также изучение коннотативного аспекта фразеологизмов посредством *метода сравнительного анализа*, который в сочетании с *когнитивными приемами* изучения ФЕ дает хорошие результаты и при определении лингвокультурных особенностей фразеологизмов рассматриваемых языков.

В качестве вспомогательного метода исследования применяется двухэтапный *свободный ассоциативный эксперимент (САЭ)*, используемый в исследованиях по *психолингвистике* и проведенный с носителями марийского и финского языков. Его результаты используются при изучении семантической структуры отдельного зоонима (на первом этапе САЭ), зоосемического фразеологизма (на втором этапе САЭ), а также при интерпретации прототипической структуры значения фразеологизмов, что позволяет определить лингвокультурную специфику сравниваемых ФЕ. Эксперимент с носителями марийского языка был проведен со студентами института финно-угроведения (в настоящее время институт национальной культуры и межкультурной коммуникации) ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» и учащимися МОУ «Карайская СОШ» Волжского района Республики Марий Эл в возрасте от 14 до 22 лет. Ассоциативный эксперимент на материале финского языка осуществлен со студентами факультетов права; социальных наук и образования, а также гуманитарного факультета Университета г. Турку (Финляндия) и другими жителями данного города в возрасте от 19 до 41 года.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили исследования по фразеологии Л. И. Барцевой и И. С. Галкина¹⁰, А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского¹¹, Ф. Т. Грачевой¹², А. В. Егорова¹³, Д. Е. Казанцева и Г. С. Патрушева¹⁴, А. Крикманна¹⁵, А. В. Кунина¹⁶, О. Лаухакангас¹⁷, О. Петровой¹⁸, Н. А. Потапушкина¹⁹, В. Н. Телии²⁰, Т. Р. Хейнонен²¹,

¹⁰ Барцева, Л. И. Кызытсе марий йылме. Лексикологий (Современный марийский язык. Лексикология) / Л. И. Барцева, И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Изд. дом, 2003. – 224 с.

¹¹ Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

¹² Грачева, Ф. Т. Фразеология марийского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Фаина Тихоновна Грачева. – Тарту, 1977. – 21 с.

¹³ Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / А. В. Егоров. – Екатеринбург – Ижевск: УрО РАН, 2011. – 200 с.

¹⁴ Казанцев, Д. Е. Современный марийский язык. Лексикология / Д. Е. Казанцев., Г. С. Патрушев. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1972. – 184 с.

¹⁵ Krikmann, A. Proverbs on animal identity: typological memoirs [Электронный ресурс] / A. Krikmann // Folklore. – Vol. 17. – Tartu, 2001. – 84 s. – URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

¹⁶ Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

¹⁷ Lauhakangas, O. The Matti Kuusi International Type System of Proverbs / O. Lauhakangas. – Helsinki: Academia Scientarium Fennica, 2001. – 158 s.

¹⁸ Petrova, O. Of Pearls and Pigs. A Conceptual-Semantic Tiernet Approach to Formal Representation of Structure and Variation of Phraseological Units / O. Petrova. – Turku: Åbo Academi University Press, 2011. – 412 s.

¹⁹ Потапушкин, Н. А. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте / Н. А. Потапушкин. – М.: Изд-во УМУ РУДН, 2000. – 123 с.

Э. С. Якимовой²²; семантике слова и текста Н. Ф. Морковкина²³, А. А. Уфимцевой²⁴; лингвокультурологии и когнитивной лингвистике В. И. Карасика²⁵, В. А. Масловой²⁶, З. Д. Поповой и И. А. Стернина²⁷; психолингвистике В. П. Беянина²⁸, А. А. Леонтьева²⁹, А. Р. Лурии³⁰, Г. А. Мартиновича³¹, Н. В. Уфимцевой³², Р. Т. Фрумкиной³³, психологии К. Э. Изарда³⁴, Е. П. Ильина³⁵, С. Л. Рубинштейна³⁶ и др.

Эмпирической базой исследования послужили 180 фразеологизмов марийского языка и 197 ФЕ финского языка, извлеченные из лексикографических источников, текстов художественной и публицистической литературы, а также примеры, зафиксированные в речи носителей рассматриваемых языков. Основной материал изучения представлен фразеологизмами, взятыми из толковых одноязычных, двуязычных и фразеологических словарей марийского языка – «Фразеологический словарь марийского языка» Ф. Т. Грачевой³⁷, «Марийские пословицы, поговорки, загадки» С. И. Ибатова³⁸, «Пословицы»³⁹ и «Словарь марийских пословиц»⁴⁰

²⁰ Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа, «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

²¹ Heinonen, T. R. Idiomien leksikaalinen kuvaus kielenkäytön ja vaihtelun näkökulmasta [Электронный ресурс] / T. R. Heinonen. – Helsinki: Helsingin yliopisto, 2013. – 228 s. – URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/37918>

²² Якимова, Э. С. Соматические фразеологизмы в марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Эмма Семеновна Якимова. – Тарту, 1975. – 26 с.

²³ Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.

²⁴ Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.

²⁵ Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

²⁶ Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

²⁷ Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

²⁸ Беянин, В. П. Психолингвистика / В. П. Беянин. – М.: Флинта: Моск. психолого-социальный ин-т, 2003. – 232 с.

²⁹ Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – С. 5-16.; Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

³⁰ Лурия, А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. – М.: МГУ, 1998. – 336 с.

³¹ Мартинович, Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – М.: РАН, 1993. – № 2. – С. 93-99.

³² Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 2011. – С. 252.

³³ Фрумкина, Р. Т. Психолингвистика / Р. Т. Фрумкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 320 с.

³⁴ Изард, К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Изд-во «Питер», 1999. – 464 с.

³⁵ Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб: Изд-во «Питер», 2001. – 752 с.

³⁶ Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999. – 720 с.

³⁷ Грачева, Ф. Т. Марий фразеологий мутер: Тунемше-влаклан пособий / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1989. – 328 с.

³⁸ Ибатов, С. И. Пословицы и поговорки марийского народа / Под ред. К. А. Четкарева. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1953. – 88 с.

³⁹ Китиков, А. Е. Калыкмут / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1981. – 120 с.

А. Е. Китикова, Словарь марийского языка (10 томов)⁴¹; фразеологических словарей финского языка – «Фразеологический словарь финского языка» С. Вирккунена⁴², «Попасть в точку: идиоматический словарь современного финского языка» Э. Кари⁴³, «Мудрость старинных финских пословиц» М. Кууси⁴⁴, «Пахнет, как вчерашняя селедка. Большой словарь сравнений» Й. Тамми⁴⁵, «Феннизмы. Собрание финских пословиц и идиом для носителей венгерского языка» Й. Варга и С. Сааринен⁴⁶. Для определения функциональных особенностей ФЕ, выявления их семантических характеристик, мотивированности внутренней формы отобраны 200 примеров контекстуального использования марийских ФЕ и 200 примеров употребления финских фразеологизмов.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) работа представляет первое лингвокультурологическое сравнительное изучение марийских и финских фразеологических единиц с компонентами-зоонимами; 2) впервые в финно-угорской фразеологии применяется междисциплинарный подход к изучению зоосемической фразеологии дальнеродственных языков с использованием комплекса методов лингвокультурологии, комбинирующей приемы когнитивной лингвистики и психолингвистики, в том числе свободного ассоциативного эксперимента; 3) в результате исследования выявлены типы межъязыковых соответствий, свидетельствующие об универсальности и уникальности вербализации культурно-значимых понятий средствами фразеологии марийского и финского языков; 4) в работе определены разновидности прототипов, мотивирующих культурную коннотацию

⁴⁰ Китиков, А. Е. Марий калыкмут мутер / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1991. – 336 с.

⁴¹ Словарь марийского языка. Т. I / А. А. Абрамова, И. С. Галкин, И. Г. Иванов и др.: Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1990. – 488 с.; Словарь марийского языка. Т. II / А. А. Абрамова, В. И. Вершинин, А. С. Ефремов и др.: Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1992. – 464 с.; Словарь марийского языка. Т. III / Л. И. Барцева, В. И. Вершинин, Л. П. Грузов и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1994. – 504 с.; Словарь марийского языка. Т. IV / А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. Н. Васильев и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1998. – 384 с.; Словарь марийского языка. Т. V / А. А. Абрамова, Л. И. Барцева и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 2000. – 508 с.; Словарь марийского языка. Т. VI / Вершинин И. Г. Иванов, Н. И. Исанбаев; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 2001. – 368 с.; Словарь марийского языка. Т. VII / Сост.: В. И. Вершинин, В. Н. Максимов, С. С. Сибатрова, Е. А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.; Словарь марийского языка. Том VIII / Сост.: А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин, И. С. Галкин, А. С. Евремов, А. Н. Куклин, В. Н. Максимов, Г. С. Патрушев, С. С. Сибатрова. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. – 511 с.; Словарь марийского языка / Сост.: А. А. Абрамова, Е. А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 520 с.; Словарь марийского языка. Т. X / МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2005. – 256 с.

⁴² Virkkunen, S. Suomalainen fraasi-sanakirja / S. Virkkunen. – Keuruu: Otavan painolaitokset, 1981. – 420 s.

⁴³ Kari, E. Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja / E. Kari. – Helsinki: Otava, 1993. – 231 s.

⁴⁴ Kuusi, M. Vanhan kansan sananlaskuviisaus / M. Kuusi. – Helsinki: WSOY, 1990. – 539 s.

⁴⁵ Tammi, J. Haisee kuin elinen silli. Suuri vertailu sanakirja / J. Tammi. – Jyväskylä: Gummerus kirjanpaino, 2008. – 592 s.

⁴⁶ Varga, J. Fennizmusok. Finn szólások és kifejezések tára magyarok számára / J. Varga, S. Saarinen. – Turku: Turun yliopiston suomalainen ja yleisen kielitieteen laitos. Unkarin kieli ja kulttuuri, 2009. – 457 s.

рассматриваемых ФЕ, которая демонстрирует степень устойчивости способов передачи культурно-значимой информации посредством изучаемых языковых единиц; 5) исследование анализируемых языковых единиц позволило выявить характерные черты проявления культурного фона, стоящего за эталонами, вербализуемыми марийскими и финскими зоосемическими фразеологизмами; 6) осуществленный сравнительный анализ зоосемических ФЕ позволил установить фрагменты национальной картины мира, описываемые данным типом устойчивых единиц в рамках марийской и финской лингвокультур.

Теоретическая ценность исследования заключается в том, что в данной работе обобщаются теоретические и методологические вопросы фразеологии марийского и финского языков. В результате чего предложены теоретические основы сравнительного лингвокультурологического исследования отдельных лексико-семантических групп фразеологизмов рассматриваемых языков. В диссертации осуществляется многоаспектный лингвокультурологический сравнительный анализ семантики марийских и финских ФЕ с компонентами-зоонимами, на основании чего выделяются лингвокультурные свойства, характерные для фразеологии сравниваемых языков, а также выявляются общие и отличительные свойства, присущие марийским и финским зоосемическим ФЕ.

Практическая ценность работы заключается в разработке алгоритма поэтапного исследования фразеологизмов двух языков, который может быть использован и при изучении ФЕ других семантических групп типологически и генетически неродственных языков. Полученные результаты, а также фактический материал могут быть применены в теоретических курсах лексикологии, типологии, лингвокультурологии, теории и практики перевода, в спецкурсе по фразеологии марийского и финского языков, в практике их преподавания в вузе, написании учебников, учебно-методических пособий и монографий по изучаемым темам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Марийский и финский языки являются дальнеродственными языками, поэтому в типологии межъязыковых фразеологических соответствий прослеживается ряд отличий в результате выделения частичных и безэквивалентных зоосемических фразеологизмов. Это связано с некоторыми отличиями в структурно-семантической организации ФЕ и специфике прототипов, мотивирующих их внутреннюю форму.

2. Типы фразеологических соответствий отражают сходства и различия в структуре и семантике марийских и финских зоосемических фразеологизмов, значение которых мотивируется определенными прототипными ситуациями.

3. Сравнительный анализ коннотации исследуемых единиц позволил выявить некоторые сходства в прототипах фразеологизмов марийского и финского языков, которые могут быть связаны с общностью мифологии, существовавшей до расхождения финно-угорской этнокультурной общности.

4. Контекстуальный анализ фразеологизмов, а также данные свободного ассоциативного эксперимента иллюстрируют оттенки значений, накладываемые на актуальное значение ФЕ, особенности мотивации их

коннотации и ассоциативно-связанные знания об объекте номинации фразеологическими средствами марийского и финского языков.

5. Результаты исследования компаративных (эталонных сравнений) и некомпаративных ФЕ представляют возможность для определения национально-значимых понятий, вербализуемых зоосемическими фразеологизмами марийского и финского языков. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в обоих языках отражают одну из сторон категориального языкового мышления данных этносов, что в свою очередь структурировано во фрагментах национальной картины мира, свойственных марийской и финской лингвокультурам.

Объем и структура диссертационного исследования определяются целью и задачами работы, которая состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы, а также шести приложений.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 18 публикациях, в число которых включаются 6 статей в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки РФ. Теоретические положения и результаты работы изложены в виде докладов на научно-практических конференциях *международного* (Международный симпозиум «Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)» (г. Йошкар-Ола, 2011 г.), Международная научная конференция «Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков» (г. Ижевск, 2012), Международная научно-практическая конференция «Этнические миры и культурные универсалии» (г. Саранск, 2012 г.), XXVIII Международная научная конференция студентов-финно-угроведов (г. Тарту, Эстония, 2012 г.), XXIX Международная научная конференция студентов-финно-угроведов IFUSCO (г. Сыктывкар, 2013 г.), IX Международный симпозиум «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса» (г. Саранск, 2013 г.), Международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения основоположника марийской литературы С. Г. Чавайна (г. Йошкар-Ола – п. Морки, 2013 г.), Международная научно-практическая конференция «Ашмаринские чтения» (г. Чебоксары, 2014 г.), *межрегионального* (Межрегиональная научно-практическая конференция «Красновские чтения», посвященная 85-летию со дня рождения А. В. Краснова (г. Йошкар-Ола, 2012 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (г. Йошкар-Ола, 2014 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Язык и социум» (г. Йошкар-Ола, 2014 г.) и *всероссийского* (V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (г. Петрозаводск, 2014 г.), II Всероссийская научная конференция «Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках» (г. Сыктывкар, 2014 г.) уровней.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* диссертационной работы раскрывается актуальность изучаемой проблемы, обосновываются цель и задачи, определяются методологическая база исследования, его теоретическая и практическая значимость, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Лингвокультурный аспект сравнительного изучения фразеологических единиц» состоит из трех разделов.

Первый раздел, подразделенный на три параграфа, посвящен истории изучения фразеологии в ряде финно-угорских языков, а именно: прибалтийско-финских (финский, эстонский), угорских (венгерский, хантыйский, мансийский) и языках волжской (марийский, мордовские (эрзя, мокша)) и пермской (удмуртский, коми) подгрупп. Учитывая различную степень изученности фразеологизмов в финно-угорских языках разных групп, можно обобщить описанные историографические факты, а также выделить из всех возможных сформировавшихся направлений исследований по данной лингвистической дисциплине и проанализированных вопросов⁴⁷ в финно-угорском языкознании наиболее изученные сферы: 1) морфолого-грамматические характеристики фразеологических единиц; 2) группировка фразеологических единиц по структурным типам; 3) семантика ряда групп фразеологических единиц; 4) характер отношений фразеологических единиц и их компонентов со словом и словосочетанием; 5) стилистическое функционирование фразеологических единиц в произведениях художественной литературы; 6) источники происхождения фразеологических единиц, их этимология; 7) пути и способы фразеологизации словосочетаний; 8) фразеография и проблемы составления словарей; 9) вопросы моделированности в сфере фразеологии; 10) проблема системных отношений фразеологических единиц; 11) психолингвистические аспекты функционирования ФЕ в контексте речи; 12) лингвострановедческие аспекты фразеологизмов; 13) функционально-коммуникативные характеристики фразеологических единиц в социальном контексте; 14) возможности корпусной лингвистики для изучения фразеологизмов. Современные исследования в финно-угроведении, показывают, что изучение фразеологии разных языков является актуальным в рассмотрении культурно-маркированных понятий, представленных в языке.

Во *втором разделе* данной главы обобщаются основные принципы лингвокультурологического анализа фразеологии. Его основной целью является определение и «описание культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками»⁴⁸. Под *культурной коннотацией* понимается интерпретация денотативного и образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Если фразеологизм

⁴⁷ Федуленкова, Т. Н. Современные направления в изучении фразеологии / Т. Н. Федуленкова, И. В. Бечина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – Вып. 3. – С. 203-206.

⁴⁸ Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 310.

обладает культурно-национальной спецификой, то он должен иметь свое средство воплощения в его знаковой организации и свой способ указания на эту специфику⁴⁹. Национально-культурное своеобразие ФЕ заключается в комплексе представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры. Для данной работы выводятся следующие методологически важные следствия: 1) культурные коннотации можно выявить из внутренней формы фразеологизма: в ней наличествуют «следы культур, предшествующих современному состоянию – обычаи и традиции, исторические события и элементы быта»⁵⁰; 2) определению культурных коннотаций может способствовать объяснение значения переменного прототипа, объясняемого с помощью этимологических данных; 3) стилистическая маркированность фразеологизма, присутствующая в словарях, реализуется в контексте художественного произведения; 4) культуру можно понимать как способ ориентации субъекта в эмпирической, культурной, духовной жизни на основе норм, эталонов, стереотипов, символов, мифологем и других знаков национальной культуры, традиционно установившейся в определенном национальном (языковом) социуме.

Приемы лингвокультурологического подхода дополняются некоторыми положениями когнитивного и контрастивного направлений к изучению ФЕ с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках. В частности, *ассоциативные фразеологические поля*, выделенные в результате проведенного с носителями марийского и финского языков ассоциативного эксперимента, демонстрируют целую систему ассоциативно-образных представлений, связанных как с актуальным значением ФЕ, так и с ее прототипом. Реакции, полученные на названия животных, разрешают выделить усредненные представления о животном. Семантическое содержание ассоциативных рядов указывает на наличие образности зоонимов, что разрешает проследить мотивированность их использования в составе ФЕ и отнести некоторые из них к классу оценочных существительных. Это указывает на проявление черт наличия зоохарактеристик, существующих на базе собственно названий животных в марийском и финском языках. Анализ результатов САЭ способствуют выявлению существующих особенностей представления связей слов в сознании человека, смысловой нагрузки, накладываемой на них; функциональных особенностей компонентов-зоонимов и ФЕ (стимулов), а также их ценностной нагрузки в лингвокультуре⁵¹.

В *третьем разделе* первой главы охарактеризованы основные принципы сравнительного лингвокультурологического анализа ФЕ. При сравнении

⁴⁹ Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа, «Языки русской культуры», 1996. – С. 214-215.

⁵⁰ Добровольский, Д. О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма / Д. О. Добровольский // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. – С. 97.

⁵¹ Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 42.

зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков для определения типов межъязыковых фразеологических соответствий в культурных коннотациях внутренней формы фразеологизмов используется синтезированная методика исследования, заимствованная из сравнительной фразеологии (структура и, частично, семантика) и сравнительной лингвокультурологии (культурная коннотация в виде образно-метафорических представлений и эталонных сравнений, мифологических представлений (ритуал, табу, тотем)).

Исходя из предложенной методики, сравнительное фразеологическое исследование лингвокультурных коннотаций зоосемических ФЕ состоит из ряда этапов. На *первом этапе* исследования, посвященном внутриязыковым особенностям ФЕ, был установлен количественный состав сравниваемых языков; определены методы отбора и анализа языкового материала; составлен корпус единиц, подлежащих исследованию, с использованием избранной методики; описаны структурно-семантические особенности анализируемых единиц в каждом отдельном языке с учетом как лексико-морфологического, так и структурно-синтаксического аспектов ФЕ. На *втором этапе* исследования устанавливается основа сравнения ФЕ, к которой относят план содержания, т. к. он лежит в основе акта коммуникации и является отражением действительности. Далее учитываются лексико-морфологические и структурно-синтаксические особенности компонентов, составляющих ФЕ с одинаковым планом содержания. На *третьем этапе* анализа проводится выявление межъязыковых фразеологических соответствий. В рассмотренном материале выделяются *полные, частичные соответствия* и *безэквивалентные* ФЕ.

Под *полными соответствиями* понимаются ФЕ, имеющие в сравниваемых языках общее значение с одинаковой культурной коннотацией, одинаковый лексический состав компонентов и одинаковую структурно-грамматическую организацию – совпадение формы образности и содержания.

Частичные соответствия в исследуемом материале включают следующие случаи: 1) фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках одно общее значение; одинаковый компонентный состав; одинаковый прототип, мотивирующий внутреннюю форму, одинаковую культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант, разную структурно-грамматическую организацию (падежи, порядок слов); 2) фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках разное значение; характеризующиеся различным компонентным составом; одинаковый прототип, мотивирующий внутреннюю форму; разную культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант, разную структурно-грамматическую организацию. В данной работе под инвариантом понимается зооморфный компонент фразеологизма.

Безэквивалентные фразеологизмы, объединяемые в сферу исследования, благодаря зооморфному компоненту. Они характеризуются различным компонентным составом, отличающимся прототипом, мотивирующим

внутреннюю форму, имеют разную культурную коннотацию и отличаются структурно-грамматической организацией.

Выделение типов межъязыковых соответствий, определение прототипов и их источников, сфер оценки фразеологическими средствами марийского и финского языков предоставляет возможность комплексного анализа фразеологии с последующим выделением близких или отличных по специфике номинации культурно-значимых понятий и ценностных ориентиров, существующих в рамках марийской и финской лингвокультур.

В данном диссертационном исследовании осуществляется сравнение семантики и семантических отношений (лингвокультурная коннотация) групп фразеологизмов, включающих однотипный компонент (зооморфная лексика) в двух отдаленно-родственных языках (марийский и финский).

Во *второй главе* «Лингвокультурный аспект зоосемических фразеологизмов марийского языка» приводятся результаты анализа марийских ФЕ номинативного (глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные) и коммуникативного типов.

Наиболее частотными по вероятности появления в составе марийских фразеологизмов являются зоонимы *пий* ‘собака / пес’ (22%), *меран* ‘заяц’ (13,3%), *пире* ‘волк’ (11,7%), *маска* ‘медведь’ (10%), *шорык* ‘овца’ (6,7%), *имне* ‘лошадь’ (6%), *сӧсна* ‘свинья’ (5,6%) и *пырыс* ‘кошка’ (5%). Зоосемизмы включаются в состав марийских ФЕ в своих прямых или переносных значениях. При контекстуальном использовании компоненты-зоонимы могут заменяться другими, что не влияет на изменения актуального значения устойчивых единиц.

Номинативные ФЕ указывают на определенные «лица» и «не-лица», действия и состояния человека, а также на отдельные признаки, присущие, как человеку, так и объектам внешнего мира.

Рассмотренные *глагольные фразеологизмы* (14,4%) марийского языка используются для оценки разных свойств человека, представленных в эталонных сравнениях (устойчивых сравнениях или компаративных ФЕ) и некомпаративных фразеологических единицах. Зоосемические фразеологизмы компаративного типа отражают эталоны робости, нерешительности; страха; затруднительности; страданий; плохого пения; обмана, манипуляции; конфликтности; физической усталости; неразлучности и неумеренности. Например, *лӱдшӧ меран гай (мерангла) куржаш (шикшалташ, чытыраш, т. м.)* ‘убегать (мчаться, дрожать и т. д.), как трусливый заяц’, *пире гай (пирыла) урмыжаш* ‘волком выть’ (букв. ‘выть, как волк’), *пий семын нояш* ‘устать, как собака’ и т. д. Некомпаративные глагольные ФЕ применяются для оценки таких проявлений человека, как отсутствие способностей или некомпетентность в каком-либо деле, страх и стеснительность, лень, невнимательность в поиске чего-либо, стремление выполнить несколько дел одновременно, лицемерие и преднамеренное разжигание ссоры между людьми. Например, *кок мерангым покташ / кучаш* ‘гнаться за / ловить двумя(-х) зайцами(-ев)’, *имне ѱмбач кычалаш* ‘невнимательно, поверхностно, не вникая в суть дела, так себе (что-л.

искать, делать, выполнять и т. п.», *коля рожыш пурен каяш* 'провалиться в мышиную нору' (от страха, смущения и т. п.) и др.

Субстантивные ФЕ (27,8%) марийского языка применяются для оценки характерных черт человека, не соответствующих общепринятым нормам, бытующим в рамках марийской культуры, а именно распутства; подлости и двуличности; лени; жадности; неумеренности; убогой жизни; страха; вялости; глупости; неуважения и грубости; вредительства; мнимой дружбы; неаккуратности; злости; неподатливости; лицемерия; неопытности и слабости. Например, *пуре чонан шорык* 'овца с волчьей душой', *узо пий* 'пес, кобель', *кўрвал шорык* букв. 'овца над лубом' (о грубияне, нахале) и др. Отдельные ФЕ выражают оценку внешности человека и форм существования бытия (*пуре вўта* 'волчий хлев' (об очень холодном, неуютном помещении, жилье), *ушкар шинча* бран. 'коровий глаз' и т. д.).

Посредством *адъективных ФЕ* (6,7%) марийского языка, зоонимы выступают в качестве эталонов внешних проявлений человека – упитанности; упрямства; физической силы; малого количества; худобы; затруднительности; хитрости; внешнего сходства; робости. Например, *маска гай таза* 'здоровый, как медведь', *ўшкыж гай ўскырт* 'упрямый, как бык' и т. д.).

Адвербиальные ФЕ (1,7%) с компонентами-зоонимами представлены в незначительном количестве и используются для оценки напрасных стараний, разделения чего-либо и способа передвижения в пространстве (*маскам лош* 'медведя пополам, поровну', *пий поч йымак* 'псу под хвост' и т. д.).

Более сложной семантикой обладают *коммуникативные ФЕ* марийского языка (49,4%). Часто их значение невозможно истолковать без учета контекста, т. к. некоторые из них интерпретируются в буквальном смысле, что говорит об их прямой связи с прототипом высказывания. Коммуникативные фразеологизмы с компонентами-зоонимами в марийском языке употребляются для характеристики сферы *психической деятельности и эмотивных оценок* (37% от ФЕ коммуникативного типа), *социально-трудовых и родственных отношений* (31,5%), *характера* (22,5%), *форм существования бытия* (время, пространство, движение) (6,7%) и *физиологического состояния организма человека* (2,3%). Например, *Жап шуэш гын, ўдыр чодыра маскаланат марлан кая* 'Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет'; *Койышыжым пият (сўснат) ок коч* 'Его (ее) характер и собака (свинья) не съест' и т. д.

Отдельные единицы используются для описания внешнего вида человека и атмосферных явлений. Например, *Маска ўдырым налеш* 'Медведь женится' (о дожде в солнечный день), *Презе нулалын* разг. 'Теленок лизнул' (о завитке на лбу, на котором волосы растут в другом направлении и торчат в стороны) и т. д.

Источниками интерпретации коннотации марийских зоосемических ФЕ разных структурно-семантических типов выступают наблюдения за поведением животных, социально-культурная и экономическая действительность, мифы и поверья, фольклорные и библейские тексты, национальные игры, а также религиозно-обрядовая культура народа мари.

В *третьей главе* «Лингвокультурный аспект зоосемических фразеологизмов финского языка» рассматриваются лингвокультурные

особенности финских фразеологизмов номинативного (глагольные, субстантивные, адъективные) и коммуникативного структурно-семантического типов. Анализ каждого типа ФЕ финского языка представлен в двух отдельных разделах данной главы. В связи с тем, что финские адвербиальные фразеологизмы с компонентами-зоонимами не были зафиксированы в рассмотренных источниках, они не выделены в работе отдельным параграфом.

Результаты исследования показали, что наиболее частотными по использованию в составе финских ФЕ являются такие зоонимы, как *koira* 'собака' (15,2%), *susi* 'волк' (11,1%), *kissa* 'кошка', *sika* 'свинья' (по 9,1%), *hevonen* 'лошадь' (7,6%), *lammas* 'овца' (5,5%), *karhu* 'медведь' (4,5%) и *hiiri* 'мышь' (4%).

Фразеологические единицы *номинативного типа* характеризуют определенные «лица» и «не-лица», действия и состояния, а также признаки и свойства объектов окружающей действительности.

Зоосемические *глагольные фразеологизмы* (37,1%) компаративной группы представляют эталоны глупости; неумеренности; жестокости; безответственности; настойчивости; порядка в группе людей; гнева; чувства голода; плохих манер; конфликтности; насилия; ловкчества, пронырливости; изворотливости; физической усталости; страха; паники; доверия; усердия в работе; проворности; речевых способностей; безмолвия; неуклюжести; упадка, ухудшения; манипуляции. Например, *kiertää (kiertellä) kuin kissa kuumaa puuroa* 'крутиться, как кошка вокруг горячей каши', *luottaa ei ummäärä enempä kuin sika / porsas hopealusikasta* 'не разбираться (смыслить) больше, чем свинья в серебряной ложке' и др. Некомапаративные глагольные ФЕ финского языка используются для оценки признаков проявления человека и окружающей его действительности, а именно: прямолинейности; безответственного подхода к выбору работника; решительности в совершении дел; спешки в делах; неспешки в движениях, медлительности; неприличного поведения; проявлений сексуального характера; обмана, мошенничества; притворства; физиологических признаков сна; преувеличения значения проблемы и умения отделять хорошее от плохого; некачественного изделия или услуги; совершения необдуманных покупок с приобретением товара плохого качества; разрушения и нарушения благосостояния; подчинения в группе; сохранения нейтралитета. Например, *olla susi sukua* букв. 'быть волчьей породы', *rakentaa sutta ja sekunda* разг. 'производить плохой товар' (букв. 'строить волков и второй сорт'), *tarttua härkää sarvista* 'взять быка за рога' и др.

Зоосемические ФЕ *субстантивного типа* (20,8%) употребляются для описания характерных особенностей человека, а также предметов и явлений реального мира. Здесь оцениваются такие свойства человека и явления, как лицемерие; хитрость, пронырливость; осознание сути вопроса; жадность; глупость; страх; сильный голод; броский внешний вид; презрение; подчинение, манипуляция; обман, мошенничество; одиночество; убогая жизнь; плохая должность; долгое путешествие; предмет поклонения; негодный товар; утреннее время; наименование стран; опасное место; неудобное жилье; тишина; болезни; части женской одежды. Некоторые ФЕ данного типа передают эталон

хорошего аппетита и большого количества. Например, *viron susi* ‘эстонский волк’ (или *miehiä kuin Viron susiä* ‘людей (много), как эстонских волков’), *musta lammas* ‘паршивая овца’ (букв. ‘черная овца’), *yksinäinen susi* ‘одинокий волк’.

Адъективные ФЕ (13,7%) используются для передачи эталонов бедности; физической силы; храбрости; быстроты; физического здоровья; нежности и любезности; безмолвия; чувства голода; хитрости; веселья; страха; белизны / бледности; верности; глупости; упитанности; убогости; миловидности и запутанности. Например, *hiljaa kuin hiiri* ‘тихий / безмолвный, как мышь’, *iloinen kuin kolmen markan / viidenpennin hevonen* ‘веселый, как лошадь за три марки / пять пенни’ и т. д.

Рассмотренные *коммуникативные фразеологические единицы* (28,4%) финского языка с компонентами-зоонимами носят рекомендательный характер. Они используются для оценки *социально-трудовых отношений человека* (42,9% от ФЕ коммуникативного типа), его *характера* (28,6%), *психической деятельности* (21,4%), *форм существования матери и физиологических особенностей животных* (7,1%). Например, *Kissa vieköön!* ‘Черт! Досада! (букв. ‘Кошка поberi!’), *Kukas koiran hännän aidalle nostaa, jollei itse* ‘Кто поднимет хвост собаки на забор, если не она сама’, *Se koira älähtää, johon kalikka kalahtaa* ‘Та собака воет, которую палка бьет’ и т. д.

Источниками интерпретации коннотаций зоосемических ФЕ финского языка номинативного и коммуникативного типов выступают такие прототипные ситуации, как наблюдения за животным миром; занятие охотой и другие виды социально-культурной и экономической жизни представителей финского этноса; мифы и поверья; фольклорные тексты; библейские тексты и художественные произведения; продукция СМИ; кинематография; религиозная культура финнов, которая отражает некоторые заимствованные традиции и мифы других народов.

В четвертой главе «Лингвокультурная специфика зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков в сравнительном аспекте» осуществляется сравнение полученных результатов анализа фразеологического материала рассматриваемых языков.

В *первом разделе* данной главы рассматриваются типы межъязыковых соответствий ФЕ марийского и финского языков с учетом специфики применения компонентов-зоонимов в выбранных языковых единицах.

В составе номинативных и коммуникативных ФЕ марийского языка используется 23 зоосемических компонента, а в составе зафиксированных зоосемических фразеологизмов финского языка употребляется 31 зооним. Результаты количественных подсчетов позволяют указать на то, что в список наиболее распространенных зоонимов включаются семь одинаковых названий животных – *собака* (мар. *пуй*, фин. *koira*), *волк* (мар. *пуре*, фин. *susi*), *кошка* (мар. *пырыс*, фин. *kissa*), *свинья* (мар. *сöсна*, фин. *sika*), *лошадь* (мар. *имне*, фин. *hevonen*), *овца* (мар. *шорык*, фин. *lammas*) и *медведь* (мар. *маска*, фин. *karhu*). Полученные результаты частично соотносятся с выводами,

сделанными А. Крикманном⁵², который на основе изучения паремиологических фондов целого ряда языков мира, включая марийский и финский, выделил восемь названий живых существ, являющихся самыми частотными по вероятности появления в составе паремий: 1) собака; 2) лошадь; 3) корова / бык; 4) курица / петух; 5) волк; 6) свинья; 7) кошка; 8) овца / баран.

Характер типов межъязыковых соответствий данных фразеологизмов отличается большим разнообразием.

Выявленные *полные фразеологические соответствия* характеризуются одинаковой семантикой, структурно-грамматической организацией и компонентным составом, совпадением формы образности и содержания (2,6% от рассмотренных фразеологизмов). Например, мар. *маска вынем* ‘медвежья берлога’ = фин. *karhun pesä* ‘медвежья берлога’, мар. *Пуй онта, мардеж нангая* ‘Собака лает, ветер уносит’ = фин. *Koira haukkuu, tuuli kanta* ‘Собака лает, ветер уносит’).

К *частичным соответствиям* относятся следующие типы соответствий (14,6%):

1. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках одно общее значение; одинаковый компонентный состав; разную структурно-грамматическую организацию (падежи, порядок слов); один межъязыковой лексический инвариант; одинаковый прототип; мотивирующий внутреннюю форму; одинаковую культурную коннотацию (7,4%). Выявленные ФЕ отличаются сходством в оценке свойств человека или окружающей действительности в марийской и финской лингвокультурах. Например, *эталон хитрости* (мар. *рывыж гай чоя* = фин. *viekas kuin kettu* ‘хитрый, как лиса’), *эталон неумеренности* (мар. *сõсна гай йяаш* = фин. *juoda kuin sika* ‘пить, как свинья’), *лицемерия* (мар. *шорык коваштым чийыше тупе* = фин. *susi lammasten (lampraan-) vaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’).

2. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках одинаковое значение; разный компонентный состав и структурно-грамматическую оформленность; разный инвариант; разный прототип; одинаковую культурную коннотацию (1,9%): мар. *ночко коля гай лияш (кояш, т. м.)* ‘быть (выглядеть и т. д.), как мокрая мышь’ и фин. *märkä kuin uitettu koira / kissa* ‘мокрый, как искупанная собака / кошка’; мар. *пырыла ончааш* ‘волком смотреть’, фин. *katsoa kuin peto (petona)* ‘смотреть, как зверь’.

3. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; разный компонентный состав; отличную структурно-грамматическую оформленность; одинаковый лексический инвариант; одинаковый прототип и культурную коннотацию (1,6%): мар. *Карме гыч йшкыжым пуал оварта (луктеш)* ‘Из мухи выдувает (делает) быка’ – фин. *tehdä kärpäsestä härkänen* ‘делать из мухи быка’ и т. д.

4. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках разное значение; различный компонентный состав; одинаковый прототип,

⁵² Krikmann, A. Proverbs on animal identity: typological memoirs [Электронный ресурс] / А. Krikmann // Folklore. Vol. 17. – Tartu, 2001. – S. 12. – URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

мотивирующий внутреннюю форму; разную культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант, разную структурно-грамматическую организацию (1,6%): мар. *nure gaj (nuryla) urmyjash* ‘волком выть (букв. ‘выть как волк’) – фин. *ulvoa sutena / susien mukana* ‘выть с волками’; мар. *Меран тупышко шинчын вола* ‘Сидя на спине зайца, спускается, проходит’ – и фин. *(ei) olla jäniksen selässä* ‘(не) быть на спине зайца’ (в знач. «не спешить»).

5. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; одинаковый компонентный состав и структурно-грамматическую организацию; разный инвариант; одинаковый прототип и культурную коннотацию (1,6%): мар. *шонго пырыс* ‘старый(-ая) кот (кошка)’ и фин. *vanha kettu* ‘старый лис’, *vanha koira* ‘старый(-ая) пес (собака)’.

6. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; одинаковый компонентный состав и структурно-грамматическую организацию; разный инвариант (зоонимы, обозначающие животное разного пола, для которых используются разные лексемы); одинаковый прототип и коннотацию (0,5%): мар. *аныра шорык* ‘глупая овца’ и фин. *tyhmä pässi* ‘глупый баран’.

Остальные ФЕ составляют группу *безэквивалентных фразеологизмов*, объединяемых в исследовании, благодаря наличию в их составе компонента-зоонима. Они характеризуются различным компонентным составом; разной структурно-грамматической организацией; отличающимся прототипом, мотивирующим внутреннюю форму; разной культурной коннотацией (82, 8%). Безэквивалентные ФЕ по-разному отражают культуру марийского и финского этносов. Определяющую роль в значениях таких ФЕ играет их денотативный аспект. Отдельное место в данной группе занимают фразеологизмы, компоненты которых отражают предметы национальной культуры, факты национальной истории, национальные имена собственные. Например, фин. *Ernestin koirat* ‘Эрнестовы собаки’ (о членах Радикальной народной партии, 40-50-е гг. XX в.). Среди марийских устойчивых оборотов не обнаружены единицы, обладающие подобными наименованиями. Однако встречается использование некоторых названий предметов из бытовой жизни носителей марийской лингвокультуры (ср. *күрвал шорык* ‘овца над лубом’).

Во *втором разделе* данной главы рассматриваются характерные свойства прототипов, мотивирующих коннотацию зоосемических ФЕ марийского и финского языков. В исследованном материале выделяются *универсальные прототипы* или прототипические ситуации, мотивирующие значение зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков.

На основе проведенного анализа, выделяются пять групп универсальных прототипов, выявляемых в мотивировке значений марийских и финских ФЕ: 1. Наблюдения за поведением животных (73,85%) – прототипы ФЕ, основанные на описании характеристик, связанных с животными (мар. *Кок маска ук вынемыште огым иле* ‘Два медведя в одной берлоге не живут’, фин. *jklla on norsun muisti* ‘у кого-л. слоновья память’). 2. Социально-культурная действительность проживания этноса (10,35%) – прототипы, связанные с

социальным и материальным положением человека (мар. *Тулык еным пият почшо дене луншалеш* ‘Сироту и собака бьет хвостом’, фин. *kulkea jonossa kuin köyhän talon porsaat* ‘ходить в очереди, как поросята бедного дома’), *торгово-денежными отношениями* (мар. *Шулдо каза кум йолан* ‘У дешевой козы три ноги’, фин. *ostaa jäniksen jälkiä* ‘купить заячьи ноги’), *охотой* (мар. *Пычалже – олаште, меранже – чодыраште* ‘Ружье – в городе, заяц – в лесу’, фин. *Ei se koira oravaa tuo, kun väisin metsään vietään* ‘Не та собака приносит белку, которую насильно ведут в лес’). 3. Мифы и поверья (3,7%) – прототипы ФЕ, передающие экстралингвистические факторы мотивации (*suden hetki* ‘волчье мгновенье’; *Ўдырамашын пиалжым пий кочкын* ‘Женское счастье собака съела’). 4. Фольклор, тексты художественной литературы, продукты СМИ и кинематографии (смешанные прототипы) (2,85%) (мар. *ош вўльö (нерген) йомак* ‘сомнительная история; выдумки’ (букв. ‘сказка о белой кобылице’) (из сказки о белой кобылице); фин. *villakoiran ydin* ‘сущность (мозг) пуделя’ (из трагедии «Фауст» И. Гёте)). 5. Религиозная культура (1,85 %). В одних случаях прототипы связаны с традиционной религией своего народа, в других отражаются религиозно-обрядовые обычаи других этносов (мар. *Юмо ок пу гын, сöсна ок коч* ‘Если бог не даст, свинья не съест’, фин. *valkoinen elefantti* ‘белый слон’).

В *третьем разделе* четвертой главы представлены результаты анализа семантических особенностей межъязыковых фразеологических соответствий в вербализации культурно-значимых понятий в марийском и финском языках. Антропоцентризм в зоосемической фразеологии марийского и финского языков отражен в целом ряде оценок, касающихся *характера человека*, проявляющегося в системе разных отношений: *к себе, другим людям, труду* (деятельности вообще) и *собственности*.

Сходство в вербализации этических оценок по отношению *к другим людям* реализуется лишь при нахождении человека в социальной среде, что проявляется в использовании изучаемых ФЕ при осуждении манипуляции другими людьми; лицемерия и притворства; грубости и неуважения других; лживости и обмана; хитрости и пронырливости; распускания слухов и клеветы; распутства; подлости и предательства. В марийском языке выделяется оценка соперничества; враждебности; разжигания ссор; неблагодарности за сделанное добро; отчуждения от осиротевших и овдовевших; угодливости; вредительства; мнимой дружбы, а также заботы о детях. Фразеологическими средствами финского языка оценивается невнимание к собеседнику; предательство; поклонение ложным идеалам; умение сохранять нейтралитет, сдерживать данное обещание; процесс нарушения благосостояния человека.

Общность оценки отношения *к труду* проявляется в порицании лени и спешки в делах. Марийские ФЕ применяются для описания объединения рабочих операций в комплексы выполняемых действий (например, стремление выполнить несколько дел одновременно), а также оценки деятельностных способностей человека (например, некомпетентности). Финские зоосемические фразеологизмы отличаются в использовании в сфере оценки

неудовлетворительной организации деятельности, трудового процесса (например, опоздания в решении проблемных вопросов).

Заметные отличия наблюдаются и в оценке отношения человека *к себе* и *собственности* в вербализации средствами зоосемической фразеологии двух языков. Сходство выявлено лишь при описании ощущения человеком надежного дома; умения разделять хорошее от плохого; скверного и неуживчивого характера человека и глупости. Часто марийские и финские фразеологизмы используются для оценки проявления интровертного типа личности.

При описании отношений *к собственности* в марийском и финском языках осуждается жадность. Кроме этого фразеологическими средствами выражается рекомендация благодарить за полученные материальные блага.

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в рассматриваемых языках охватывают также описание *психических процессов, психофизиологических состояний* человека, *эстетических оценок, форм существования бытия* и *ситуативных эмоций* человека. Выявленные случаи оценки эмоций включают следующие их виды: эмоции *ожидания и прогноза* (связаны с предположениями о будущем; оценивается ситуация, вызванная определенным раздражителем), *фрустрационные* (связаны с непреодолимым для человека препятствием, блокирующим достижение поставленной им цели), *коммуникативные* (связаны с потребностью человека в общении; представляют собой реакции на неудовлетворение или удовлетворение желания общаться, эмоциональной близости и т. д.), *интеллектуальные* (связаны с переживаниями, проявляющимися в процессе мыслительной деятельности) эмоции. Отдельное место занимают ФЕ, передающие *эстетические оценки* внешнего вида человека (врожденных и временных внешних свойств, одежды).

В результате проведенного сравнительного исследования выявлены сходства и различия в вербализации *культурно-значимых понятий*, существующих в рамках рассматриваемых лингвокультур, которые вербализуются средствами зоосемической фразеологии. Фразеологизмы с рассматриваемым лексическим инвариантом, специфичным для марийской и финской фразеологии, обладают высокой степенью экспрессивности при оценке явлений окружающей действительности. Выявлены некоторые сходства и отличия в передаче эталонов в рассматриваемых языках. Только семь зоонимов отражают сходство в передаче эталонов, из которых четыре зоонима (собака, волк, кошка, свинья) включаются в состав самых распространенных названий животных и выделенных для обоих языков посредством комплексного анализа ФЕ. Например, при передаче эталона *конфликтности* в обоих языках используются зоонимы 'кошка' и 'собака' (мар. *пырыс, пий*; фин. *kissa, koira*), эталона *хитрости* – 'лиса' (мар. *рывыж*; фин. *kettu*), *упитанности* – 'свинья' (мар. *сӧсна*, фин. *sika*), *физической усталости* – 'собака' (мар. *пий*; фин. *koira*) и т. д.

В контексте марийских художественных произведений наиболее частотны фразеологизмы, употребляющиеся для оценки *ситуативного страха, распутства* и *неудобного, лишнего благ цивилизации места пребывания* или

проживания. В финских текстах распространено применение зоосемических ФЕ с целью оценки *молчаливости* и *безмолвия*, *одиночества* или *замкнутости*, *нерациональности* и *глупости человека*. При этом объединение фразеологизмов разных структурно-семантических типов по идеографическим полям показало количественное преобладание ФЕ, использующихся для оценки *страха* и *боязни* (3,9 %), *нерешительности* и *робости* (3,9%), *конфликтности* (2,8%), *распутства*, *глупости*, *лицемерия* и *лени* (по 2,2%) в марийском языке, а также *злости* и *агрессии* (3%), *безмолвия* и *молчаливости* (2,5%), *некачественного товара* и *услуги* (2,5%), *глупости* (2%) в финском языке.

Национальное своеобразие выбранных фразеологических единиц с однотипным лексическим инвариантом проявляется в их *культурной коннотации*, специфические особенности которой выявлены посредством анализа семантики и семантических отношений групп фразеологизмов, в двух отдаленно-родственных (марийском и финском) языках.

В *заключении* обобщаются основные результаты исследования. Сравнительный анализ зоосемических ФЕ показал, что в составе анализируемых устойчивых единиц употребляются относительно одинаковые компоненты-зоонимы, что связано со сходством природно-климатических, территориальных условий проживания данных этносов.

Вышеизложенные результаты указывают на то, что зоосемические фразеологизмы марийского и финского языков отражают фрагменты языковой картины мира рассматриваемых этносов, обусловленные общими когнитивными механизмами. Данное явление отражается в системном характере оценки тех или иных проявлений человека и свойств окружающей действительности. Выявленные отличия в специфике оценивания внешнего мира и человеческих взаимоотношений связаны с исторически сложившимися условиями и факторами развития рассматриваемых лингвокультур.

Проведенное исследование доказывает представленную гипотезу о том, что фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках отражают одну из сторон категориального языкового мышления, структурирующегося под влиянием внешних (социально-исторический фон) и внутренних (когнитивные механизмы) факторов.

В *приложениях* систематизирован перечень зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков, а также ассоциаций, продемонстрированных реципиентами в ходе ассоциативного эксперимента. Ассоциаты представлены в том виде, в котором они были получены в анкетах. В тексте же диссертации приводятся количественные данные на основе сделанных обобщений по всему объему ассоциаций.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки России*

1. Соколова, М. В. Структурно-семантические характеристики марийских и финских анималистических фразеологических единиц: психолингвистический подход / Н. Н. Глухова, М. В. Соколова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 1 (73). – Ч. 2. – С. 48-52.

2. Соколова, М. В. Репрезентация эмоционального концепта «страх» в марийском языке / М. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 189-191.

3. Соколова, М. В. Контекстуальные трансформации коммуникативных анималистических фразеологических единиц марийского языка / М. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5 (23): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 168-170.

4. Соколова, М. В. Гендерная маркированность анималистических фразеологизмов в марийском языке / М. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 180-183.

5. Соколова, М. В. Семантические особенности зоосемических фразеологизмов марийского языка (на материале ассоциативного эксперимента) / М. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 175-178.

6. Соколова, М. В. Вербализация национально-культурных представлений о культе медведя в марийском языке / М. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4 (46). – Ч. I. – С. 165-168.

Статьи, опубликованные в других изданиях

7. Соколова, М. В. Семантические характеристики коммуникативных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке» / М. В. Соколова // «Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)»: материалы VIII Междунар. симп. «Языковые контакты Поволжья» (Йошкар-Ола, 18-19 августа 2011 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 70-73.

8. Соколова, М. В. Семантика номинативных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом финского языка / М. В. Соколова // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сб. ст. – Ижевск-Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 470-475.

9. Соколова, М. В. Семантические характеристики анималистических фразеологизмов финского языка / М. В. Соколова // Вестник Марийского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 92-94.

10. Соколова, М. В. Семантика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в марийском языке / М. В. Соколова // XXVIII International Finno-Ugrists' Conference (Тарту, 11 мая 2012 г.). – Тарту, 2012. – С. 144-145.

11. Соколова, М. В. Объективация лингвокультурного концепта «страх» в марийском языке / М. В. Соколова // Духовная сфера общества: материалы науч.-практ. конф. по итогам НИР кафедры философии и политологии за 2012 г. и межрегион. науч.-практ. конф. «Красновские чтения», посвященной 85-летию со дня рождения А. В. Краснова / Мар. гос. ун-т; под ред. В. Б. Голубева. – Йошкар-Ола, 2013. – Вып. 10. – С. 51-54.

12. Соколова, М. В. Национально-культурная специфика анималистических фразеологизмов финского языка / М. В. Соколова // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов (Петрозаводск, 25-28 июня 2014 г.) / Редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2014. – С. 93-95.

13. Соколова, М. В. Реализация оценочного значения анималистических фразеологизмов финского языка / М. В. Соколова // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2014 – С. 80-83.

14. Соколова, М. В. Лингвокультурологический аспект репрезентации концепта «глупость» в финских художественных текстах / М. В. Соколова // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: материалы регион. науч.-практ. конф. / Сост. и науч. ред. А. Ф. Мышкина. – Чебоксары: «Новое время», 2014. – С. 271-276 с.

15. Соколова, М. В. Лингвокультурные особенности компаративных фразеологизмов в марийском и финском языках / М. В. Соколова // Ашмаринские чтения: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. / Сост. и отв. ред. А. М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 215-218.

16. Соколова, М. В. Структура семантики компонента-зоонима во фразеологических единицах марийского языка / М. В. Соколова // Этнические миры и культурные универсалии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 20 сент. 2012 г.) / Редкол.: Н. И. Воронина, Е. Н. Ломшина (сост.), Н. И. Учайкина (сост.). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 197-199.

17. Соколова, М. В. Вербализация фрагментов национальной картины мира фразеологическими средствами марийского языка / М. В. Соколова // Язык и социум: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной Дню марийской письменности (9 декабря 2014 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Н. Н. Глухова. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 169-172.

18. Sokolova, M. V. Connotative Meaning of the Mari Animalistic Phraseological Units: on the Basis of an Associative Experiment / M. V. Sokolova // XXIX International Finno-Ugric Conference: тезисы / Отв. ред. Н. А. Нестерова. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. – С. 214.

Соколова Марина Валерьевна

**Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц
с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 07.07.2015 г. Формат 60x80 1/16.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в. ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21